Александр Куприн

Ральф

Александр Иванович Куприн
Ральф

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172703

Содержание

* * * 4

Ральф
(Из будущей книги «Друзья человека»)

* * *

Быть может, что среди харьковцев, в эмиграции сущих, найдутся пожилые люди, у которых в далекой памяти еще остался, хотя бы по рассказам старожилов, знаменитый и замечательный пес с кличкою Ральф. Был он рыжий кобель, породы ирландских сеттеров и, очевидно, хороших кровей. Как он попал к почтовому чиновнику, коллежскому регистратору Балахнину – вопрос навеки остался неразгаданным и таинственным. Известно было лишь то, что Балахнин приехал в Харьков и поступил на службу уже вместе со своей собакой.

Харьков – город чрезвычайно значительный. Он – как бы пуп и центр русской металлургии и каменноугольного дела, но по своим размерам, по великолепию и огромности домов, по аристократическому шику жизни и блеску парижских костюмов, по обилию безумных развлечений он стоял куда ниже не только столиц, но и таких губернских городов, как Киев и Одесса-мама.

Жить в нем тесновато и скучновато, несмотря на университет и театр. Нет ничего мудреного, что слухи о необыкновенной дрессировке почтамтской собаки Ральфа обошли весь Харьков, и оба друга, двуногий и четвероногий, обрели прочную славу, которая, кстати, благоприятно влияла на скромную карьеру Балахнина.

Сказать о Ральфе, что он был дрессированной собакой, – это, пожалуй, значило бы то же самое, что назвать гениального композитора – тапером. Хороших маэстро было много, но один из них был Бетховен, таков же был и Ральф в собачьем мире. Он просто и ясно понимал каждое слово, каждый жест и каждое движение хозяина.

В памяти и в понимании Ральфа была по крайней мере целая тысяча слов, и повиноваться их значению было для него серьезным долгом и великой радостью.

Обращаясь к собаке, Балахнин никогда не прибегал к обычным, дрессировочным восклицаниям: «Вьен иси, апорт, тубо, шерш» [1] и так далее… Нет, он просто говорил с ней ровным, чистым человеческим голосом, как бы обращаясь к другому человеку. Он никогда не кричал на Ральфа и говорил ему неизменно на «вы». «Ральф, принесите мне папиросы и спички», – и собака ловко и быстро приносила поочередно портсигар и спичечную коробку. «Ральф, где моя зеленая тетрадка, где мой красный карандаш?» – и Ральф тотчас же являлся с этими вещами.

---

[1] «Иди сюда, принеси, нельзя, ищи» (франц.).

Давно уже всем известно, что собаки, отличающиеся несравненным обонянием и прекрасным слухом, всегда немного слабы зрением и часто страдают дальтонизмом, но Ральф отлично разбирался в основных цветах: белом, черном, синем, зеленом, желтом и красном. К тому же, находясь при хозяине, он никогда не терял из глаз его лица, поминутно описывая круги. Случалось, что на большом общественном гулянье Балахнин говорил: «Ральф, пойдите и поздоровайтесь с вон той дамой в платье такого-то цвета и со страусовым пером на голове». И тут же Балахнин высоким поднятием руки изображает роскошный плюмаж. Собака немедленно повинуется. Она зигзагообразно пробирается сквозь толпу на свободные места, ловя взорами указанную даму. Порой она оборачивается на хозяина, стараясь узнать по движению его головы и ресниц: «Верно ли иду? Не ошибаюсь ли?»

Оказывается, все обошлось хорошо. И довольный собою, счастливый пес тычет розовым мокрым носом в нежную ручку дамы, невзирая на ее негодование.

Балахнин жил где-то на краю города, нанимая одну комнату и будучи нахлебником у толстой просвирни. Там, в домашнем хозяйстве, Ральф уже давно нес обязанности по доставке провианта. Все мелкие лавки: мясная, рыбная, бакалейная, пивная, монопольная и прочие – были знакомы Ральфу, как свое жилище. Стойло Балахнину или Секлетинье Афиногеновне поставить на пол кожаную сумку, в ко-

торую защелкивались: краткая записка лавочнику, заборная книжка и деньги в бумажке, как уже Ральф начинал радостно волноваться, предвкушая самую важную и любимую прогулку. Тогда ему называли предмет купли и открывали дверь. Тотчас же, завив хвост девятым номером, Ральф выбегал на улицу. Он никогда не ошибался лавками, потому что все они были запечатлены в его памяти обонятельными, вкусовыми чувствами. Так же спокойно и серьезно возвращался он домой, окончив поручение; никто не обижал его. Лавочники ценили в нем деловитую солидную особу, неистовые уличные мальчишки видели в нем славу и гордость квартала. Собаки никогда не вызывали его на драку. У этого милого и умного народа, у собак, есть свои непреложные законы, в числе коих, между прочим, говорится: «Когда человек работает вместе с тобой, считай это за честь и помогай ему, насколько хватит твоих сил, а работающей собаке никогда не мешай».

Рекорд ума и находчивости, поставленный Ральфом, был тем более неожидан и блестящ, что в то время Шерлок Холмс еще не появлялся в свет, а немцы не тренировали злых доберман-пинчеров на ловлю преступников.

Тогда позднею весной, на Пасху, был устроен харьковской губернаторшей в ее парке большой благотворительный вечер в пользу недостаточных студентов, на открытом воздухе с цыганами и артистами, с лотереями и шампанским. Главной особой, для которой давалось торжество, была кузина губернаторши, важная придворная статс-дама. И вот, когда воз-

дух потемнел и стала падать ночь, статс-дама закричала жалобным голосом: «Ах! Мое колье! Ах, мое брильянтовое колье! Куда, куда оно делось?» Произошла сумятица. Затормошилась полиция. Длинноусый обер-полицеймейстер сделал страшное лицо. Взволнованная публика потребовала, чтобы все посетители были подвергнуты обыску. Входы и выходы были заперты. Никакие полицейские меры, однако, не помогали. Тогда вызвался почтамтский чиновник Балахнин.

– Позвольте, ваше сиятельство, – сказал он огорченной даме, – позвольте я пущу по следу вора мою собаку, ирландского сеттера Ральфа.

– Ах, пожалуйста, сделайте милость! Ведь колье это – фамильное сокровище нашего рода, подаренное царицей Екатериной Великой моему прапрадеду.

Полиция подтвердила, что собака действительно очень умна и всему городу известна своим примерным поведением. Дала статс-дама обнюхать Ральфу свое манто, свое платье, руки и перчатки. Начальство отрядило на помощь Ральфу двух сыщиков, и они пошли вчетвером.

Ральф сразу понял, что от него ждут… Сначала нырнул в узкий забытый лаз на краю сада, а потом повел и повел, ни разу не сбившись со следа, пока не привел в гостиницу Коняхина, где собиралось всяческое ракло. А войдя в трактир, Ральф прямо остановился перед столом, где бражничал известный всему Харькову Митька Легунов, опустившийся дворянский сын, скандалист, мошенник и пройдоха. Сыщи-

ки его – цап! – где колье? Не стал и отлынивать. Сра-зу вытащил из-за пазухи. «Эту вещицу, говорит, я на улице нашел и только что собирался объявить о ней… в участке».

Статс-дама со слезами на глазах горячо благодарила Балахнина. Предлагала за труды хорошее вознаграждение, но Балахнин вежливо отказался:

– Это не я сделал, а мой друг Ральф. Дайте ему из вашей милой ручки кусок сахара. Он очень доволен останется.

Тут и конец об этой необыкновенной собаке. Надо прибавить лишь одно. Знатная дама все-таки прислала Балахнину из Петербурга золотой жетон с надписью: «Я Ральф – друг людей».

Многие люди, знавшие или только видевшие знаменитого харьковского пса, говорили: «Жаль только, что он лишен дара речи». Но кто знает, был ли бы счастлив говорящий Ральф?